

ФАКТОРЫ ВИКТИМБЛЕЙМИНГА В СИТУАЦИЯХ НАСИЛИЯ В ОТНОШЕНИИ ЖЕНЩИН

Анастасия Ю. Винникова¹, Иван Ю. Обидин²

РЕЗЮМЕ

Проблема виктимблейминга является междисциплинарной, для ее понимания необходимо рассматривать как макро-, так и микросоциальные явления, культуральные особенности и ситуационно-временной контекст, психологические и клиничко-психологические характеристики всех участников. В статье рассмотрены имеющиеся данные о факторах виктимблейминга, относящихся к различным уровням, обозначены существующие противоречия, которые затрудняют описание причин виктимблейминга с точки зрения какой-либо теоретической модели. В статье также представлены результаты исследования индивидуальных факторов виктимблейминга на российской выборке, подтверждены некоторые социально-демографические и индивидуально-психологические характеристики сторонних наблюдателей, влияющих на обвинение жертвы.

Обвинение жертвы, или виктимблейминг, является сложным и многогранным явлением, для понимания его причин необходимо рассматривать факторы разных уровней. В изучении виктимблейминга необходимо учитывать глобальные факторы – социальные, культуральные и институциональные; ситуационные факторы, к которым относятся характеристики жертвы, агрессора, ситуации насилия и их взаимодействие; и индивидуальные, связанные с особенностями сторонних наблюдателей, которые обвиняют жертву.

Глобальные факторы. На виктимблейминг влияют факторы социального и институциональных уровней, к которым относятся представления о гендерных ролях и вытекающие из них стили воспитания, риторика, распространяемая СМИ и формирующаяся в социальных сетях, общественное отношение к проблеме насилия и обвинению жертв.

Проблема распространенности виктимблейминга зачастую связана с проблемой нормализации гендерного насилия. Так, патриархальное воспита-

¹ Факультет психологии Санкт-Петербургского государственного университета, Санкт-Петербург, Российская Федерация;

² Кафедра психологии кризисных и экстремальных ситуаций Санкт-Петербургского государственного университета, Санкт-Петербург, Российская Федерация

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: виктимблейминг, индивидуальные факторы, ситуационные факторы, глобальные факторы, насилие в отношении женщин.

Cite: Vinnikova AJu, Obidin IJu. Vuictimblaming factors in situations of violence against women. Cauc J Med & Psychol Sci. 2023; V.1(№5-6): 25-38; doi: 10.61699/cjmps-v1-i5-6-p25-38 (in Russian)

ние ведет к нормализации различных видов насилия в отношении женщин и девочек, это те самые исторически устоявшиеся представления о том, что главе семьи позволительно наказывать домашних, в том числе применять физическую силу, за любое нарушение или провинность. Патриархальные устои также включают в себя представления о правомерности обвинения женщин пострадавших от насилия со стороны мужчин [4, 13]. Здесь же образуется порочный круг, так как обвинение жертв ведет к формированию представлений о том, какое поведение агрессора допустимо и оправдано в глазах общества, а это ведет к укреплению представлений о распространенности и приемлемости насилия. Существование таких представлений в свою очередь облегчает обвинение жертв, замыкая порочный круг.

Отмечается, что виктимблеймингу особенно подвержены люди из дискриминируемых групп, вокруг которых уже существуют определённые стереотипы, которые приводят к снижению доверия по отношению к представителям этих групп. При этом их ответ на обвинения может привести к возникновению цикла обратной связи, при котором негативная эмоциональная реакция жертвы из дискриминируемой группы используется для оправдания недоверия ее словам, что способствует усилению дальнейших обвинений [19]. Дискриминация по полу, проявляющаяся в форме враждебного сексизма, связана с более высоким уровнем обвинения жертв как в случае сексуализированного, так и не связанного с сексом насилия [21, 33].

В обзорном исследовании Gravelin

C.R. выделяются факторы социальных и институциональных уровней, влияющих на обвинение жертв сексуализированного насилия. К ним относятся патриархальные устои, в рамках которых женщина рассматривается в первую очередь с точки зрения репродуктивной функции, двойные стандарты, относительно сексуальности, согласно которым проявления сексуальности женщины может интерпретироваться как причина насилия. Еще одной культуральной силой, укрепляющей консервативные представления о недопустимом сексуальном поведении женщин, является религия. СМИ способствуют распространению таких явлений как гиперсексуализация и сексуальная объективация, формируют образ «истинной жертвы», распространяют мифы о сексуальном насилии, все это ведет к распространению виктимблейминга. Кроме макросреды, на распространение и принятие виктимблейминга в отношении жертв изнасилования влияет локальная среда, в которой доминируют мужчины, как правило в таких группах больше распространены сексистские взгляды и выше риск сексуального насилия [15].

Другая группа глобальных факторов, относящаяся не только к сексуализированному насилию, связана с ролью СМИ, медиа и социальных сетей. Несмотря на существование этических стандартов освещения проблемы насилия СМИ (статьи, новостные заметки, подкасты) не придерживаются их, данная проблема наблюдается как в русскоязычном, так и в англоязычном пространстве [3, 15, 30]. Например, освещая ситуации насилия, СМИ могут распространять мифы об изнасилова-

нии (убеждение в том, что насилуют только определенные типы женщин; отрицание изнасилования в браке и др.). В Российском сегменте новостные заметки об отдельных эпизодах насилия часто транслируют прямое или косвенное обвинение жертвы. Их материалы содержат противоречивую информацию, которая может осуждать насилие и агрессора и одновременно с этим включать виктимблейминг [2].

Кроме традиционных медиа, интернет-мемы за счет стремительного распространения и концентрации информации, без возможности получить полное представление о ситуации, способствуют быстрому формированию общественного взгляда на события. Опираясь на существующие мифы об изнасилованиях, они укрепляют позицию виктимблейминга и делают ее удобной для переноса на подобные по содержанию ситуации [1].

Наконец, нельзя не учитывать роль социальных сетей, с одной стороны в социальных сетях также распространяются мифы об изнасиловании, с другой высказываются мнения в поддержку жертв. Исследование публикаций в Твиттере демонстрирует, что пользователи, которые обвиняли жертв, с большей вероятностью получали ретвиты и имели больше подписчиков, чем пользователи с публикациями в поддержку жертв [20]. Противоречивые тенденции отмечаются в Инстаграме, с одной стороны именно агрессора чаще обвиняют в совершении насилия, но с другой – ответственность за прекращение насилия в два раза чаще возлагают на жертв [9].

Однако некоторые данные о роли глобальных факторов все еще содержат

противоречия и требуют дальнейшего изучения. Так, в исследованиях нередко изучается связь виктимблейминга и уровня гендерного равенства. Последние межкультуральные исследования (проводилось в странах ЕС) демонстрируют, что сам по себе уровень гендерного равенства в странах не влияет на индивидуальное отношение к виктимблеймингу в случае домашнего насилия [18]. Результаты свидетельствуют, что вопреки первоначальным предположениям, наблюдается более высокий уровень виктимблейминга в странах Северной Европы по сравнению с другими странами ЕС, которые характеризуются более низким уровнем гендерного равенства [14].

Уровень дохода в стране также не является универсальным фактором виктимблейминга, страны с разным уровнем дохода характеризуются скорее различием в формах обвинения, так в странах с низким уровнем дохода, оправданием агрессора будут «ошибки» женщины в бытовых ситуациях, а в более богатых странах респонденты в качестве оправдания агрессора склонны опираться на факты об измене со стороны женщины или интерпретировать ее поведение как провокативное [35].

Рассмотренные институциональные, культуральные и социальные факторы оказывают влияние при взаимодействии с индивидуальными и ситуационными факторами, формируя контекст обвинения жертвы и влияя на его проявление.

Ситуационные факторы. Различные исследования устанавливают, что сам вид насилия может влиять на степень выраженности обвинений жертвы. Так жертвы сексуализированного насилия

обвиняются чаще, чем пострадавшие от других видов насилия или от преступлений, не связанных с изнасилованием. При этом наблюдатели в случае сексуализированного насилия возлагают вину на жертву скорее косвенно, а не прямо. В свою очередь жертвы изнасилования со стороны незнакомого человека обвиняются реже, чем пострадавшие от знакомого [11, 15, 27]. Тем не менее жертв несексуализированного насилия обвиняли больше, чем жертв изнасилования, если их поведение оценивалось как откровенно сексуальное [21].

В случае рассмотрения виктимблейминга в ситуации сексуализированного насилия одним из факторов является степень близости жертвы и агрессора. В ситуациях насилия со стороны знакомого выделяются следующие ситуационные факторы виктимблейминга: алкогольное опьянение жертвы или агрессора (в случае агрессора опьянение приводит к снижению его вины, в случае жертвы – к повышению), физические характеристики жертвы (оценка внешнего вида как откровенного, вызывающего), паттерн сексуального поведения жертвы (оценка поведения как соблазняющего или неосмотрительного), сексуальная ориентация (гетеросексуальность), сопротивление со стороны жертвы (меньше обвиняют жертв, оказывающих сопротивление с самого начала, в то время как проявление инициативы со стороны жертвы даже при дальнейшем отказе от сексуального контакта ведет к большему обвинению жертв) [6, 15, 22]. Однако в этот список не попадает внешняя привлекательность жертвы: жертвы, оцениваемые как непривлекательные

получают больше обвинений [15, 22], а привлекательные женщины оцениваются как заслуживающие большего доверия [16].

В ситуации физического насилия большему обвинению жертвы со стороны интимного партнера способствует информация о злоупотреблении жертвой алкоголем. Однако злоупотребление психотропными препаратами, отпускаемыми по рецепту врача, не ведут к данному эффекту [29]. Другим важным фактором, усиливающим обвинение жертвы, является её неспособность оставить своего партнера, совершающего насилие. В ситуации, когда жертва по каким-либо причинам не может выйти из отношений или возвращается к агрессору, вместо поддержки они нередко сталкиваются с возложением на них ответственности за свои страдания [25]. Это все свидетельствует о недостаточном понимании поведения жертвы, что только способствует усилению ее собственного чувства вины и приводит к ретравматизации и ревиктимизации.

Некоторые обстоятельства ситуации насилия оказывают влияние на воспринимаемую человечность жертвы (*perceived humanness*), то есть тем, приписывает ли наблюдатель жертве характеристики типичные для человека или происходит инфрагуманизация. Установлено, что некоторые ситуационные факторы и поведение жертвы ведут к ее инфрагуманизации, например, к ним относится признание в измене, в свою очередь инфрагуманизация ведет к большему обвинению жертвы и меньшей готовности оказать ей помощь [7].

Обвинения жертвы возрастают, ког-

да наблюдатель при оценке ситуации рассматривает ее как более вариативную и считает, что жертве были доступны другие способы поведения, которые не привели бы к насилию [8]. В ситуации, когда наблюдателю неизвестен контекст, после которого последовало насилие, отмечается большее оправдание агрессора, так как это способствует актуализации стереотипных представлений [33].

Необходимо отметить, что не все исследования дают указания на вид насилия, степень близости жертвы и агрессора, это затрудняет анализ некоторых факторов, не позволяет сделать выводы об их универсальности или специфичности для конкретной ситуации.

Индивидуальные факторы. К индивидуальным факторам обычно относят социально-демографические, индивидуально-психологические и клинико-психологические характеристики свидетеля насилия.

Многие индивидуальные факторы виктимблейминга объясняются определенными когнитивными механизмами. Так, у сторонних наблюдателей с твердой верой в справедливый мир, что само по себе принято рассматривать как когнитивное искажение, информация о невинной жертве, вызывает противоречие в системе убеждений. Это несоответствие устраняется за счет обвинения жертвы [28, 32, 34 и др].

Другой подход, с опорой на веру в справедливый мир, принимает в качестве ведущего фактора не восстановление справедливости как таковое, а возможность избавиться от негативных эмоций. С одной стороны снизить тревогу позволяют обвинения жертвы

как символическое восстановление справедливости, с другой стороны – негативные эмоции могут быть отреагированы путем эмоционального раскрытия. Участники, которые могли раскрыть эмоции меньше обвиняли жертву, причем, чем больше они рассказывали о своих переживаниях, тем меньше они впоследствии обвиняли жертву. При этом возможность отреагировать эмоции не снижало обвинений в адрес агрессора [17].

Другой когнитивный механизм, связанный с виктимблеймингом – защитная атрибуция, – согласно которому вина жертвы проистекает из восприятия собственной уязвимости. Когда человек отмечает наличие сходства между собой и пострадавшим по возрасту, полу, социальному положению и другим признакам, считается, что возникающее в результате обвинение уменьшает воспринимаемое сходство с жертвой и уязвимость перед виктимизацией. Так, защитное приписывание вины эффективно снижало воспринимаемую уязвимость к сексуальной виктимизации [28]. Однако в некоторых работах представлены ограниченные доказательства того, что те, кто чувствует себя более похожим на жертву, меньше обвиняют ее в нападении [15]. Кроме того, в эксперименте, когда женщины наблюдатели подвергались сексуальной объективации, они возлагали меньше вины на жертву изнасилования, по сравнению с теми женщинами, которые игнорировались или получали позитивный контакт со стороны мужчины [10]. Женщины, подвергшиеся объективации, испытывали большую эмпатию по отношению к жертве, отмечая сходство между своим

положением и положением жертвы. Сопереживание жертве и гнев по отношению к агрессору связаны с меньшими обвинениями пострадавшей [11].

Еще один механизм связан с оценкой контроля и виктимблеймингом. Мужчины, не обладающие властью, винят жертв меньше, чем мужчины, обладающие контролем, аналогичный результат наблюдается при сравнении групп женщин: женщины, обладающие властью, склонны больше винить жертву [15]. Отмечается, чем больше люди верят в свободу воли, тем больше они обвиняют жертв [12].

Кроме психологических характеристик исследуются и социально-демографические характеристики сторонних наблюдателей.

Большинство имеющихся данных указывают на связь возраста и виктимблейминга. Обвинение жертв насилия больше распространено среди респондентов старшего возраста [например, 5]. Однако другие исследования, хоть и указывают на большую вероятность обвинений жертвы у респондентов старшего возраста, однако отмечают, что полученных данных недостаточно для однозначного объяснения данного феномена [14, 18].

Социально положение и уровень образования так же связаны с частотой обвинений жертв. Так, менее образованные респонденты и респонденты с более низким социальным статусом чаще приписывают вину за домашнее насилие пострадавшей [14, 18] те, кто живет в крупных городах, с меньшей вероятностью выражали такое отношение [18].

В отношении роли пола в настоящее время имеются противоречивые дан-

ные. Некоторые исследования указывают, что мужчинам свойственно чаще обвинять жертв насилия и оправдывать агрессора [31, 33]. Исследования ситуаций сексуализированного насилия позволяют сделать вывод, что женщинам свойственно реже обвинять жертв сексуализированного насилия в партнерских отношениях, либо же значимые различия не обнаруживаются. Ни одно исследование связано с ситуациями сексуализированного насилия не показало, что женщины в большей степени обвиняют жертв, чем мужчины [15]. Другие исследования указывают на отсутствие влияния фактора пола [14, 18].

В случае принятия мифов об изнасиловании возможно выделение опосредованного влияния пола на виктимблейминг: так как мужчины, как правило, поддерживают мифы об изнасиловании больше, чем женщины, а люди, которые поддерживают мифы об изнасиловании, чаще обвиняют жертв [15]. Такая же тенденция наблюдается в случае обвинений жертв при насилии со стороны интимного партнера не зависимо от вида насилия, чем больше наблюдатель принимает мифы о насилии, тем больше он обвиняет жертву [24].

Не зависимо от пола респондента, обнаружена связь обвинений с гендерными установками и сексизмом наблюдателя. Если у наблюдателя имеются ограничительные установки о роли и правах женщины, выражено одобрение традиционных гендерных ролей, то обнаружено взаимодействие индивидуальных и ситуационных факторов: в ситуациях насилия, когда ситуация представляется в традиционном сценарии (ведущая роль мужчины)

обвинения в адрес женщины выше. В отношении сексизма также выявлено взаимодействие с ситуационными факторами: установлена положительная связь доброжелательного сексизма и виктимблейминга, в сценариях, где женщиной нарушаются какие-либо гендерные стереотипы [15].

Следующий фактор также связан с гендерной идентичностью. Наличие угрозы чьей-либо гендерной идентичности может усилить доминирующую реакцию среди мужчин и женщин, что приводит к большему обвинению среди мужчин и меньшему – среди женщин, особенно среди мужчин, которые большую часть своей самооценки черпают из своей мужественности [26].

Важным с точки зрения профилактики являются данные подтверждающие, что наличие знаний по современной виктимологии влияет на снижение обвинений жертв [13, 23]. Более того просто попытка осмыслить ситуацию или привычка «к поиску смыслов», например, в произведениях искусства, так же ведет к снижению виктимблейминга [23].

Проведенное нами в 2023 году исследование было направлено на поиск индивидуальных факторов виктимблейминга и подтверждение факторов, обнаруженных в исследованиях, проведенных в других странах. Целью исследования являлось выявление связи между индивидуально-психологическими особенностями свидетелей насилия и их тенденцией к виктимблеймингу. Также были проанализированы социально-демографические характеристики и информированность о разных аспектах проблемы насилия. В исследовании принял участие 91 ис-

пытуемый (возраст 19-68 лет, 56 женщин и 35 мужчин). В результате исследования удалось подтвердить влияние веры респондентов в справедливый мир на обвинение жертвы: чем больше респондент верит в справедливость мира, тем с большей вероятностью он обвиняет жертву. Также были обнаружены различия в уровне саморегулирования (представлений о способности контролировать свое поведение в различных ситуациях) и самопривязанности (представлений о гибкости или ригидности собственных убеждений): чем выше уровень данных показателей, тем более вероятно обвинение жертвы в ситуации насилия. Удалось подтвердить и влияние некоторых социально-демографических характеристик: молодые люди менее склонны к виктимблеймингу в отличие от пожилых, респонденты, живущие вне мегаполисов чаще склонны к виктимблеймингу, по сравнению с жителями мегаполисов, различия между мужчинами и женщинами не обнаружено. В аспекте информированности о проблеме было установлено, что, чем значимее респондент считает проблему насилия в отношении женщин, тем меньше вероятность виктимблейминга, информированность о существовании виктимблейминга ведет к менее вероятному обвинению жертвы, наличие опыта профессиональной, учебной или волонтерской деятельности с пострадавшими от насилия связано с большим обвинением агрессора.

Необходимо дальнейшее исследование факторов виктимблейминга, выявление психологических предикторов этого явления и изучение клинико-психологических характеристик

виктимблеймеров во взаимосвязи с ситуациями насилия. В настоящее время не сформировано комплексное понимание причин данного явления: некоторые из полученных данных носят противоречивый характер, влияние некоторых факторов проявляется лишь опосредованно, при взаимодействии друг с другом или с факторами других

уровней. Кроме того, имеющиеся данные не позволяют описать причины виктимблейминга с точки зрения какой-либо теоретической модели, а потому требуется расширение представлений о роли выявленных факторов, поиск или разработка теоретических обоснований феномена виктимблейминга.

Список литературы

1. Кузнецов, И. (2017). Медиаемы как инструменты виктимблейминга. Медиапространство Беларуси: история и современность (к 100-летию газеты «Звезда» и 90-летию газеты «Советская Белоруссия») : материалы Международной научно-практической конференции, г. Минск, 20 октября 2017 г. / БГУ, Институт журналистики; редкол. : С. В. Дубовик (отв. ред.) [и др.]. – Минск : Изд. центр БГУ, 2017. – С. 105-108.
2. Кулагина, А. К. (2022). Репрезентация домашнего насилия и фемцида в российских СМИ: лингвистический аспект. Знак: проблемное поле медиаобразования, (2 (44)), 83-92.
3. Курачинская, В. П., & Куликова, О. А. (2021). Виктимблейминг среди студенческой молодежи. Вестник университета, (10), 178-186.
4. Abi Rached, M., Hankir, A., & Zaman, R. (2021). Emotional abuse in women and girls mediated by patriarchal upbringing and its impact on sexism and mental health: a narrative review. *Psychiatria Danubina*, 33(suppl 11), 137-144.

References

1. Kuznecov, I. (2017). Mediamemy kak instrumenty viktimblejminga. *Mediaprostranstvo Belarusi: istoriya i sovremennost' (k 100-letiyu gazety «Zvyazda» i 90-letiyu gazety «Sovetskaya Belorussiya»)* : materialy Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoj konferencii, g. Minsk, 20 oktyabrya 2017 g. / BGU, Institut zhurnalistiki; redkol. : S. V. Dubovik (otv. red.) [i dr.]. – Minsk : Izd. centr BGU, 2017. – S. 105-108.
2. Kulagina, A. K. (2022). *Reprezentaciya domashnego nasiliya i femicida v rossijskih SMI: lingvisticheskiy aspekt. Znak: problemnoe pole mediaobrazovaniya*, (2 (44)), 83-92.
3. Kurachinskaya, V. P., & Kulikova, O. A. (2021). *Viktimblejming sredi studentcheskoj molodezhi. Vestnik universiteta*, (10), 178-186.
4. Abi Rached, M., Hankir, A., & Zaman, R. (2021). Emotional abuse in women and girls mediated by patriarchal upbringing and its impact on sexism and mental health: a narrative review. *Psychiatria Danubina*, 33(suppl 11), 137-144.

5. Adams-Price, C. E., Dalton III, W. T., & Sumrall, R. (2004). Victim blaming in young, middle-aged, and older adults: Variations on the severity effect. *Journal of Adult Development*, 11, 289-295.
6. Alicke, M. D. (2000). Culpable control and the psychology of blame. *Psychological bulletin*, 126(4), 556.
7. Baldry, A. C., Pacilli, M. G., & Pagliaro, S. (2015). She's not a person... she's just a woman! Infra-humanization and intimate partner violence. *Journal of Interpersonal Violence*, 30(9), 1567-1582.
8. Branscombe, N. R., Owen, S., Garstka, T. A., & Coleman, J. (1996). Rape and accident counterfactuals: Who might have done otherwise and would it have changed the outcome? *Journal of Applied Social Psychology*, 26(12), 1042-1067.
9. Carlyle, K. E., Guidry, J. P., Dougherty, S. A., & Burton, C. W. (2019). Intimate partner violence on Instagram: Visualizing a public health approach to prevention. *Health Education & Behavior*, 46(2_suppl), 90S-96S.
10. Dvir, M., & Nagar, M. (2022). Would victims blame victims? Effects of ostracism, sexual objectification, and empathy on victim blaming. *Frontiers in psychology*, 13, 912698.
11. Felson, R. B., & Palmore, C. (2018). Biases in blaming victims of rape and other crime. *Psychology of Violence*, 8(3), 390.
5. Adams-Price, C. E., Dalton III, W. T., & Sumrall, R. (2004). Victim blaming in young, middle-aged, and older adults: Variations on the severity effect. *Journal of Adult Development*, 11, 289-295.
6. Alicke, M. D. (2000). Culpable control and the psychology of blame. *Psychological bulletin*, 126(4), 556.
7. Baldry, A. C., Pacilli, M. G., & Pagliaro, S. (2015). She's not a person... she's just a woman! Infra-humanization and intimate partner violence. *Journal of Interpersonal Violence*, 30(9), 1567-1582.
8. Branscombe, N. R., Owen, S., Garstka, T. A., & Coleman, J. (1996). Rape and accident counterfactuals: Who might have done otherwise and would it have changed the outcome? *Journal of Applied Social Psychology*, 26(12), 1042-1067.
9. Carlyle, K. E., Guidry, J. P., Dougherty, S. A., & Burton, C. W. (2019). Intimate partner violence on Instagram: Visualizing a public health approach to prevention. *Health Education & Behavior*, 46(2_suppl), 90S-96S.
10. Dvir, M., & Nagar, M. (2022). Would victims blame victims? Effects of ostracism, sexual objectification, and empathy on victim blaming. *Frontiers in psychology*, 13, 912698.
11. Felson, R. B., & Palmore, C. (2018). Biases in blaming victims of rape and other crime. *Psychology of Violence*, 8(3), 390.

12. Genschow, O., & Vehlow, B. (2021). Free to blame? Belief in free will is related to victim blaming. *Consciousness and cognition*, 88, 103074.
13. Gracia, E. (2014). Intimate partner violence against women and victim-blaming attitudes among Europeans. *Bulletin of the World Health Organization*, 92, 380-381.
14. Gracia, E., & Tomás, J. M. (2014). Correlates of victim-blaming attitudes regarding partner violence against women among the Spanish general population. *Violence against women*, 20(1), 26-41.
15. Gravelin, C. R., Biernat, M., & Bucher, C. E. (2019). Blaming the victim of acquaintance rape: Individual, situational, and sociocultural factors. *Frontiers in psychology*, 9, 2422.
16. Hall, M., Debowska, A., & K. Hales, G. (2023). The effect of victim attractiveness and type of abuse suffered on attributions of victim blame and credibility in intimate partner violence: a vignette-based online experiment. *Violence against women*, 10778012221150272.
17. Harber, K. D., Podolski, P., & Williams, C. H. (2015). Emotional disclosure and victim blaming. *Emotion*, 15(5), 603.
18. Ivert, A. K., Merlo, J., & Gracia, E. (2018). Country of residence, gender equality and victim blaming attitudes about partner violence: A multilevel analysis in EU. *The European Journal*
12. Genschow, O., & Vehlow, B. (2021). Free to blame? Belief in free will is related to victim blaming. *Consciousness and cognition*, 88, 103074.
13. Gracia, E. (2014). Intimate partner violence against women and victim-blaming attitudes among Europeans. *Bulletin of the World Health Organization*, 92, 380-381.
14. Gracia, E., & Tomás, J. M. (2014). Correlates of victim-blaming attitudes regarding partner violence against women among the Spanish general population. *Violence against women*, 20(1), 26-41.
15. Gravelin, C. R., Biernat, M., & Bucher, C. E. (2019). Blaming the victim of acquaintance rape: Individual, situational, and sociocultural factors. *Frontiers in psychology*, 9, 2422.
16. Hall, M., Debowska, A., & K. Hales, G. (2023). The effect of victim attractiveness and type of abuse suffered on attributions of victim blame and credibility in intimate partner violence: a vignette-based online experiment. *Violence against women*, 10778012221150272.
17. Harber, K. D., Podolski, P., & Williams, C. H. (2015). Emotional disclosure and victim blaming. *Emotion*, 15(5), 603.
18. Ivert, A. K., Merlo, J., & Gracia, E. (2018). Country of residence, gender equality and victim blaming attitudes about partner violence: A multilevel analysis in EU. *The European Journal*

- analysis in EU. *The European Journal of Public Health*, 28(3), 559-564.
19. Johnson, V. E., Nadal, K. L., Sissoko, D. G., & King, R. (2021). "It's not in your head": Gaslighting, 'splainin, victim blaming, and other harmful reactions to microaggressions. *Perspectives on psychological science*, 16(5), 1024-1036.
  20. Karlsson, M., Wemrell, M., Merlo, J., & Ivert, A. K. (2022). Intimate partner violence against women in the EU: a multilevel analysis of the contextual and individual impact on public perceptions. *Women & Criminal Justice*, 32(5), 417-430.
  21. Koepke, S., Eyssel, F., & Bohner, G. (2014). "She Deserved It" Effects of sexism norms, type of violence, and victim's pre-assault behavior on blame attributions toward female victims and approval of the aggressor's behavior. *Violence Against Women*, 20(4), 446-464.
  22. Levy, I. & Sarah Ben-David (2008). Chapter eight blaming victims and bystanders in the context of rape. *Trends and issues in victimology*, 175.
  23. Martens, J. P., Ayaz, S., Ayaz, S., & Dearn, G. (2023). Meaning and blame: Meaning threats increase victim blaming, but profession and art can diminish it. *International journal of psychology*.
  24. Megías, J. L., Toro-García, V., & Carretero-Dios, H. (2018). The acceptance of myths about intimate of Public Health, 28(3), 559-564.
  19. Johnson, V. E., Nadal, K. L., Sissoko, D. G., & King, R. (2021). "It's not in your head": Gaslighting, 'splainin, victim blaming, and other harmful reactions to microaggressions. *Perspectives on psychological science*, 16(5), 1024-1036.
  20. Karlsson, M., Wemrell, M., Merlo, J., & Ivert, A. K. (2022). Intimate partner violence against women in the EU: a multilevel analysis of the contextual and individual impact on public perceptions. *Women & Criminal Justice*, 32(5), 417-430.
  21. Koepke, S., Eyssel, F., & Bohner, G. (2014). "She Deserved It" Effects of sexism norms, type of violence, and victim's pre-assault behavior on blame attributions toward female victims and approval of the aggressor's behavior. *Violence Against Women*, 20(4), 446-464.
  22. Levy, I. & Sarah Ben-David (2008). Chapter eight blaming victims and bystanders in the context of rape. *Trends and issues in victimology*, 175.
  23. Martens, J. P., Ayaz, S., Ayaz, S., & Dearn, G. (2023). Meaning and blame: Meaning threats increase victim blaming, but profession and art can diminish it. *International journal of psychology*.
  24. Megías, J. L., Toro-García, V., & Carretero-Dios, H. (2018). The acceptance of myths about intimate

- partner violence against women (AMIVAW) scale: development and validation in Spanish and English. *Psychology of Women Quarterly*, 42(1), 44-61.
25. Meyer, S. (2016). Still blaming the victim of intimate partner violence? Women's narratives of victim desistance and redemption when seeking support. *Theoretical criminology*, 20(1), 75-90.
26. Munsch, C. L., & Willer, R. (2012). The role of gender identity threat in perceptions of date rape and sexual coercion. *Violence against women*, 18(10), 1125-1146.
27. Persson, S., Dhingra, K., & Grogan, S. (2018). Attributions of victim blame in stranger and acquaintance rape: A quantitative study. *Journal of Clinical Nursing*, 27(13-14), 2640-2649.
28. Pinciotti, C. M., & Orcutt, H. K. (2021). Understanding gender differences in rape victim blaming: The power of social influence and just world beliefs. *Journal of interpersonal violence*, 36(1-2), 255-275.
29. Sáez, G., Ruiz, M. J., Delclós-López, G., Expósito, F., & Fernández-Artamendi, S. (2020). The effect of prescription drugs and alcohol consumption on intimate partner violence victim blaming. *International journal of environmental research and public health*, 17(13), 4747.
30. Slakoff, D. C. (2023). "She did see warning signs but chose to ignore partner violence against women (AMIVAW) scale: development and validation in Spanish and English. *Psychology of Women Quarterly*, 42(1), 44-61.
25. Meyer, S. (2016). Still blaming the victim of intimate partner violence? Women's narratives of victim desistance and redemption when seeking support. *Theoretical criminology*, 20(1), 75-90.
26. Munsch, C. L., & Willer, R. (2012). The role of gender identity threat in perceptions of date rape and sexual coercion. *Violence against women*, 18(10), 1125-1146.
27. Persson, S., Dhingra, K., & Grogan, S. (2018). Attributions of victim blame in stranger and acquaintance rape: A quantitative study. *Journal of Clinical Nursing*, 27(13-14), 2640-2649.
28. Pinciotti, C. M., & Orcutt, H. K. (2021). Understanding gender differences in rape victim blaming: The power of social influence and just world beliefs. *Journal of interpersonal violence*, 36(1-2), 255-275.
29. Sáez, G., Ruiz, M. J., Delclós-López, G., Expósito, F., & Fernández-Artamendi, S. (2020). The effect of prescription drugs and alcohol consumption on intimate partner violence victim blaming. *International journal of environmental research and public health*, 17(13), 4747.
30. Slakoff, D. C. (2023). "She did see warning signs but chose to ignore

- them”: perpetrator justification and victim-blaming narratives in true crime podcasts about intimate partner violence. *Feminist media studies*, 1-17.
31. Ståhl, T., Eek, D., & Kazemi, A. (2010). Rape victim blaming as system justification: The role of gender and activation of complementary stereotypes. *Social Justice Research*, 23, 239-258.
32. Strömwall, L. A., Alfredsson, H., & Landström, S. (2013). Blame attributions and rape: Effects of belief in a just world and relationship level. *Legal and Criminological Psychology*, 18(2), 254-261.
33. Valor-Segura, I., Expósito, F., & Moya, M. (2011). Victim blaming and exoneration of the perpetrator in domestic violence: The role of beliefs in a just world and ambivalent sexism. *The Spanish journal of psychology*, 14(1), 195-206.
34. Van den Bos, K., & Maas, M. (2009). On the psychology of the belief in a just world: Exploring experiential and rationalistic paths to victim blaming. *Personality and Social Psychology Bulletin*, 35(12), 1567-1578.
35. Waltermaurer, E. (2012). Public justification of intimate partner violence: A review of the literature. *Trauma, Violence, & Abuse*, 13(3), 167-175.
- them”: perpetrator justification and victim-blaming narratives in true crime podcasts about intimate partner violence. *Feminist media studies*, 1-17.
31. Ståhl, T., Eek, D., & Kazemi, A. (2010). Rape victim blaming as system justification: The role of gender and activation of complementary stereotypes. *Social Justice Research*, 23, 239-258.
32. Strömwall, L. A., Alfredsson, H., & Landström, S. (2013). Blame attributions and rape: Effects of belief in a just world and relationship level. *Legal and Criminological Psychology*, 18(2), 254-261.
33. Valor-Segura, I., Expósito, F., & Moya, M. (2011). Victim blaming and exoneration of the perpetrator in domestic violence: The role of beliefs in a just world and ambivalent sexism. *The Spanish journal of psychology*, 14(1), 195-206.
34. Van den Bos, K., & Maas, M. (2009). On the psychology of the belief in a just world: Exploring experiential and rationalistic paths to victim blaming. *Personality and Social Psychology Bulletin*, 35(12), 1567-1578.
35. Waltermaurer, E. (2012). Public justification of intimate partner violence: A review of the literature. *Trauma, Violence, & Abuse*, 13(3), 167-175.

ABSTRACT

VICTIMBLAMING FACTORS IN SITUATIONS OF VIOLENCE AGAINST WOMEN

Vinnikova A Ju.¹, Obidin, Ivan Ju²

¹The Faculty of Psychology, St. Petersburg State University, St. Petersburg, Russian Federation

²Department of Psychology of Crisis and Extreme Situations, St. Petersburg State University, St. Petersburg, Russian Federation

Victim-blaming is an interdisciplinary problem, in studying it is necessary to consider both macro- and micro-social phenomena, cultural features and situational context, and psychological and clinical-psychological characteristics of all participants. The article examines the available data on the factors of victim blaming related to various levels and identifies existing contradictions that make it difficult to describe the causes of victim blaming by any theoretical model. The article also presents the results of study research of individual victim-blaming factors in a Russian sample, confirming some of the socio-demographic and individual psychological characteristics of bystanders influencing the blaming of the victim.

Keywords: victim-blaming, individual factors, situational factors, global factors, violence against women (VAW)

რეზიუმე

მსხვერპლის დადანაშაულების ფაქტორები ქალთა მიმართ განხორციელებული ძალადობისას.

ვინიკოვა ა.ი.¹, ობიდინი ი.ი.²

¹ფსიქოლოგიის ფაკულტეტი, სანკტ-პეტერბურგის სახელმწიფო უნივერსიტეტი, სანკტ-პეტერბურგი, რუსეთის ფედერაცია

²კრიზისული და ექსტრემალური სიტუაციების ფსიქოლოგიის კათედრა, სანკტ-პეტერბურგის სახელმწიფო უნივერსიტეტი, სანკტ-პეტერბურგი, რუსეთის ფედერაცია

ძალადობის მსხვერპლის დადანაშაულების პრობლემა ინტერდისციპლინური პრობლემაა და მის შესასწავლად აუცილებელია ძალადობის ყველა მონაწილის როგორც მაკრო, ასევე, მიკროსოციალური ფენომენების გათვალისწინება. კერძოდ, კულტურათა თავისებურებების, სიტუაციისა და დროის ფაქტორების, ფსიქოლოგიური და კლინიკურ-ფსიქოლოგიური მდგომარეობის გაანალიზება.

სტატიაში განხილულია მსხვერპლის დადანაშაულების სხვადასხვა დონის ფაქტორების შესახებ არსებული მონაცემები და ნათლადაა წარმოდგენილი ის წინააღმდეგობები, რომლებიც ართულებს მსხვერპლის დადანაშაულების მიზეზების აღწერას ნებისმიერი თეორიული მოდელის თვალსაზრისით. სტატიაში რუსეთის მაგალითზე, ასევე, წარმოდგენილია მსხვერპლის დადანაშაულების ცალკეული ფაქტორების კვლევის შედეგები, რომლებიც ნათლად ხდის მესამე მხარის, ძალადობის მოწმეთა იმ სოციალურ-დემოგრაფიულ და ინდივიდუალურ-ფსიქოლოგიურ თავისებურებებს, რაც განაპირობებს მსხვერპლის დადანაშაულებას.

საკვანძო სიტყვები: მსხვერპლის დადანაშაულება (ვიქტიმბლეიმინგი), ინდივიდუალური ფაქტორები, სიტუაციური ფაქტორები, გლობალური ფაქტორები, ქალთა მიმართ ძალადობა